

Пожар, бушевавший над озерной гладью, наконец угас. Обугленные туши тварей смешались с остывающей лавой, образовав плотную угольно-черную корку, затянувшую всю воду. Этот панцирь был настолько крепким, что выдерживал вес человека. Теневые марионетки и уцелевшие ученики нерешительно топтались на грязном насте, пытаясь расчистить озеро.

Исполинский змей Ба, так и не отыскав настоящее тело У Тяня, скользнул обратно в рукав Хэ Бугуя. Сам старейшина хотел расспросить Бай Инчи, как продвигается погоня, но главу дворца обступила такая плотная толпа, что к нему было не подступиться. Многоголосый гомон лишь раздражал. Хэ Бугуй предпочел отойти подальше, решив присмотреть за тем, как истинный человек Юнлэ врачует раненых.

Юй Уцюэ лежал ничком на носилках. Его обнаженную спину густо присыпали целебным порошком и замазали толстым слоем травяной мази. Благодаря тому, что помощь подоспела вовремя, а духовные силы Хэ Бугуя защитили меридианы, скоблить кости для удаления яда не пришлось. Тем не менее черной отравленной крови из него выпустили немало.

Каким бы крепким ни был юноша, сколько бы литых мышц ни украшало его тело, подобные истязания бесследно не проходили. Ожоги терзали нестерпимой болью, а потеря крови лишила последних сил — сейчас он выглядел беспомощным, точно раненый зверек, вызывая невольную жалость у каждого, кто смотрел на него.

— Ну как же ты так неосторожно, Уцюэ! — сокрушался Юэ Тинфан.

Выпросив у Хэ Бугуя позволение остаться подле раненого друга, он морщился от резкого запаха крови и нервно сжимал кулаки.

— Бессмертный, — обратился он к старейшине, — у него ведь обгорела почти вся спина. Не останется ли он калекой? А шрамы сойдут? Я видел тех, кто выжил в бушующем пламени, — их кожа превратилась в жуткое месиво.

И хотя бессмертный Тайвэй повидал на своем веку немало ужасов, вид вечно без умолку болтавшего юноши, который теперь лежал без сознания, пока под носилки капала кровь, заставил его суровую маску дрогнуть. К тому же Хэ Бугуй прекрасно понимал: дело было вовсе не в неосторожности.

Слова Юэ Тинфана задели нужную струну. Юй Уцюэ, гордый и любящий покрасоваться, точно павлин, с ума сойдет от горя, если его тело покроется уродливыми сморщенными рубцами. Хэ Бугуй крепко сжал плечо истинного человека Юнлэ.

— Юнлэ. Чтобы ни одного шрама не осталось.

Чан Юньцин смахнул холодный пот со лба.

— Хорошо... Сделаю все, что смогу!

Целитель вместе с Лин Сяо замотали юношу бинтами так плотно, что тот стал похож на кокон. Из-под марли виднелось лишь бледное, осунувшееся лицо Юй Уцюэ, на которое невозможно было смотреть без сострадания. В этот момент из Парящего дворца вернулся Кунъю, неся чистое одеяние для своего господина.

Хэ Бугую недосуг было переодеваться. Он лишь коротко кивнул на носилки:

— Накрой его.

Под пристальным, тяжелым взглядом старейшины Чан Юньцин не посмег покуситься. Он достал драгоценные пилюли, оберегающие сердце, которые хранил лишь на самый крайний случай, и скормил раненому добрую половину флакона. На исходе горения одной благовонной палочки Юй Уцюэ наконец зашевелился и медленно открыл глаза.

— Уцюэ, ну наконец-то! — Юэ Тинфан тут же прижал его к носилкам, не давая шевелиться, и поднес к его сухим губам свернутый воронкой лист кувшинки с чистой водой. — У тебя вся спина обгорела, только-только лекарство нанесли. Лежи смирно, не дергайся.

Юй Уцюэ что-то неразборчиво пробормотал. Заметив тонкую вышивку на накрывавшем его одеянии, он слабо спросил:

— А... Бессмертный?.. Где он?

Стоявший прямо над ним Хэ Бугуй негромко кашлянул.

— Бессмертный Тайвэй вытащил тебя, — поспешил успокоить друга Юэ Тинфан. — С ним все в порядке. И глава дворца со старейшинами уже здесь. Твари истреблены, так что можешь ни о чем не беспокоиться.

— А Сюэвэй? — едва успел прошептать Юй Уцюэ, как до его слуха донеслись тихие, прерывистые рыдания Цзи Мэй. Он резко вскинул руку и вцепился в рукав Юэ Тинфана: — С ней... что с ней случилось?

— Сюэвэй жива, — ответил Лин Сяо. Он осторожно разжал пальцы юноши и убрал его руку обратно под накидку. Говорил он медленно, но в его голосе сквозила глубокая горечь: — Она слишком долго была в Иссохшей воде. Плоть и кости ниже колен совсем сгнили. Как только ее состояние немного стабилизируется, придется... провести ампутацию.

— Ампутация?! — Юй Уцюэ дернулся было вверх, но тут же зашипел от пронзившей спину боли.

— Только так мы спасем ей жизнь! — Лин Сяо силой уложил его обратно. — Уцюэ, успокойся! То, что Сюэвэй вообще выжила, — уже чудо!

Живая, звонкая девчушка, которую все так любили, внезапно стала жертвой чьей-то жестокости, а теперь еще и лишится ног... Юй Уцюэ не мог примириться с этим ударом. В ярости он толкнул Юэ Тинфана в грудь и закричал:

— И это называется «старший брат»?! Я ведь просил тебя присматривать за ней! Как ты допустил такое?!

Юэ Тинфан, терзаемый виной и отчаянием, лишь несвязно лепетал в оправдание. Сюэвэй пропала еще в самом начале церемонии посвящения. Кругом царил суматоха, и он решил, что сестру просто увлекла за собой толпа по дороге к арене Десяти Тысяч Образов. Расстояние было приличным, девичьих сил немного, вот он и понадеялся, что она просто припозднилась. А когда разразилась катастрофа, искать ее было уже поздно.

Юэ Тинфан с размаху влепил себе пощечину.

— Моя вина! Карай меня, бей, если станет легче!

— Да кто мог предугадать, что твари нападут так внезапно? — вмешался Лин Сяо, пытаясь их разнять. — Мы ведь думали, что с поимкой отделившейся души У Тяня все закончилось... Полно вам, прекратите грызню.

— Да какой к черту толк от ругани? Вернула бы она ей ноги — я бы тебя живьем закопал, — процедил Юй Уцюэ, до белизны сжимая кулаки. — Ладно... Не один ты виноват. Я и сам хорош, тоже мне, «второй брат»... Пойду навещу ее...

— Куда тебя несет?! — Лин Сяо навалился на него всем телом. — Швы разойдутся, придется все бинты сдирать и заново мазать! Лежи уже, ради всего святого!

— Мне нужно ее увидеть! Я не могу просто так лежать!.. — Юй Уцюэ отчаянно рвался вверх.

Хэ Бугуй, устав от этого балагана, присел и бесцеремонно схватил его за загривок, припечатал обратно к носилкам.

— За Сюэвэй приглядывают целители. Она без сознания. Если хочешь поквитаться за нее — сначала встань на ноги сам. Накажешь того, кто все это устроил, тогда и вернешь долг. Будешь и дальше брыкаться — отправлю в Парящий дворец под замок.

Юй Уцюэ бессильно ударил кулаком по земле.

— Ученик... понял.

Шмыгнув носом, он вяло спросил:

— Бессмертный... удалось ли найти зацепки? Кто стоит за всем этим?

В этот момент к ним торопливо направился Му Цинцзюнь со своими людьми. Хэ Бугуй проводил их взглядом и негромко обронил:

— А вот, похоже, и ответы.

На носилках покоилось тело. Судя по узорам на изодранных одеждах, это был правый протектор Цзинь Тяньлу. Однако его одеяние так густо пропиталось чужой кровью и облепилось ошметками плоти, что разглядеть лицо было невозможно. Обе ступни несчастного были ровно отсечены у самых щиколоток. Му Цинцзюнь подошел к делу со всей тщательностью и прихватил с собой даже отрезанные конечности.

— Мертв? — ахнул Хуа Цзиньюнь.

— Жив, — покачал головой Му Цинцзюнь. — Дышит, но без сознания из-за большой потери крови. Мы нашли его у входа в один заброшенный грот.

Раненного спешно передали Чан Юньцину. Главы орденов и кланов, обступив Му Цинцзюня, замерли в ожидании подробностей.

— На месте происшествия все истоптано лапами тварей и следами людей, — докладывал Му Цинцзюнь. — С протектором Цзинь ушло около двадцати человек, а нападавших, судя по всему, было пятнадцать. Но живым мы нашли только его одного. Остальные... мертвы.

Бай Инчи нахмурился:

— Что значит «должно быть»?

— Судя по картине бойни, их разорвали и сожрали твари, — продолжил Му Цинцзюнь под испуганные вздохи толпы. — Ни одного уцелевшего скелета, лишь месиво из костей, обрывков плоти и растерзанного тряпья. В самой пещере мы обнаружили полуразрушенный магический круг — похоже, с его помощью направляли нашествие монстров. Все уцелевшие улики я собрал, прошу главу дворца взглянуть.

Очертания разрушенного массива скопировали на бумагу, но восстановить его структуру из-за сильных повреждений не представлялось возможным. Зато в глубине пещеры отыскали несколько покрытых пылью марионеток. На деревянных сочленениях отчетливо виднелось

клеймо мастера: фамильный знак «Юй».

— В том гроте действительно хранились мои старые работы, — не стал отпираться Юй Уцюэ. — Это я их смастерил.

— Какое поразительное совпадение! — ядовито процедил Хуа Цзиньюнь. — Снова твои игрушки на месте преступления. Когда У Тянь напал впервые, ты оказался жертвой. Теперь, во время бойни на озере Обнимающем Луну, ты опять в гуще событий. Все беды крутятся вокруг одного человека, и ты хочешь, чтобы мы поверили в твою невиновность? Не смеши меня.

Му Цинцзюнь сухо кашлянул, прерывая его:

— Глава Хуа, не спешите с обвинениями. Это еще не все.

Хоть тела и канули в небытие, клочки одежды уцелели. На них отчетливо виднелась символика: ядовитые узоры Храма Кровавой Бездны и герб ордена Сюаньцзе с изображением зеленой сливы. Брошенное оружие также принадлежало адептам этих двух фракций.

— Абсурд! — Хуа Цзиньюнь мгновенно переменялся в лице и гневно взмахнул рукавом. — Моя школа чиста перед небом и людьми! Мы бы никогда не опустились до подобной низости. Это грязная клевета и подлог!

Наблюдая за столь резкой переменой в поведении старейшины, Сяо Ци не удержался от насмешки:

— Только что вы вещали о совпадениях, глава Хуа, а теперь запели об абсурде? Как по мне, обнаружить старые куклы Юй Уцюэ на землях Дворца Небесного Предела куда логичнее, нежели брошенные мечи ваших учеников. Нападение на протектора Храма Кровавой Бездны прямо под носом у хозяев неизбежно настроит Секту Освобождения из Ада против Дворца Небесного Предела. Нашествие тварей тоже нанесло сокрушительный удар по ее репутации. И кому же это выгодно? Мотив так и кричит о школе Сюаньцзе. Ведь только вы спите и видите, как бы занять чужое место, даже не пытаясь скрыть своих амбиций.

Хуа Цзиньюнь затрясся от злости:

— Сяо Ци! Прикуси свой грязный язык!

Сяо Ци не примыкал ни к одной из сторон, а потому судил непредвзято и зрил в самый корень. Он не боялся навлечь на себя чей-то гнев и преспокойно выставил напоказ тайные помыслы Хуа Цзиньюня, заставив того гореть от стыда и злости. Заметив, что оппонент уже тянется к рукояти меча, Сяо Ци лишь примиряюще поднял изящную ладонь:

— Пойдите, глава Хуа, я ведь еще не закончил. Выслушайте сначала. Недавно мы обсуждали

причастность Храма Кровавой Бездны, и вы сами справедливо заметили, что они не глупцы, дабы так подставляться. Здесь ровно та же история. Ваши притязания очевидны каждому. И если бы настоящий преступник искал козла отпущения, на кого бы пал его выбор в первую очередь? Облить грязью вас — самый простой способ отвести от себя подозрения, не так ли? У меня и в мыслях не было оскорбить вас. Просто я убежден: действовала бы школа Сюаньцзе, все концы были бы спрятаны в воду. Вы бы не оставили столько нелепых улик. А значит, это была интрига. И вас подставили точно так же, как и Юй Уцюэ.

Эта виртуозная смесь лести и яда, несмотря на колкость, несла в себе неоспоримую логику. Сяо Ци лишь пытался донести до собравшихся простую мысль: обилие столь явных улик выглядит фальшиво. Спешные обвинения лишь сыграют на руку невидимому кукловоду.

Хуа Цзиньюнь подавился собственной яростью и, шумно выдохнув сквозь зубы, отвернулся.

Все эти споры не трогали Бай Инчи. Пока главы кланов искали виноватых, его собственные ищейки уже шли по следу беглеца. Междоусобные дразги и взаимные обвинения — лишь дымовая завеса, созданная чужой волей. Смысла вмешиваться не было.

— Прошу всех успокоиться, — ровным, властным голосом произнес Бай Инчи. — Хозяин башни Сяо прав. Делать выводы на основе столь шатких улик преждевременно. Давайтеждемся, когда протектор Цзинь придет в себя, и послушаем его показания.

— Это он!

Словно по чьей-то злой указке, Цзинь Тяньлу очнулся в ту же секунду. С хриплым криком он рывком сел на носилках и, лихорадочно щурясь, ткнул дрожащим пальцем в сторону Юй Уцюэ:

— Он владеет душевными техниками! Это он управлял тварями... А-а-а!

Едва люди успели обернуться на крик, как мимо пронеслась стремительная тень. Марионетка-заяц коршуном рухнула из вышины за спину Цзинь Тяньлу, взмыла вместе с ним в воздух и увлекла прочь от толпы.

Все произошло в мгновение ока. Лекари, склонившиеся над раненым, покатались по земле от мощного порыва ветра. Ошарашенные ученики не успели даже вскрыть силуэт противника, как протектор исчез. Марионетка-заяц, вздернув беспомощного Цзинь Тяньлу за шиворот, прижала холодное лезвие к его горлу. Тот, задышав, продолжал безумно орать, указывая на Юй Уцюэ:

— Ты хочешь заставить меня замолчать! Хочешь убить свидетеля!..

Хрясь!

Брызнула горячая кровь. Отсеченная голова Цзинь Тяньлу отлетела на несколько чжанов в сторону, и в ее мертвых, широко раскрытых глазах мгновенно растаяла едва заметная мутная пелена.

Юй Уцюэ застыл, не веря собственным глазам:

— Сяо У?..

Марионетка действовала со сверхъестественной, пугающей скоростью. Отшвырнув обезглавленный труп протектора, она коршуном метнулась в толпу. Ловко уворачиваясь от сыпавшихся со всех сторон ударов и пытавшихся схватить ее рук, тварь выхватила еще одного человека. Это была едва пришедшая в себя Цзи Сюэвэй.

Юй Уцюэ лихорадочно менял ручные печати, пытаясь перехватить контроль над взбесившейся куклой, но та не отзывалась на его волю. В отчаянии он закричал:

— Сяо У! Назад! Не смей трогать Сюэвэй! Назад, я кому сказал!

Раздался дружный лязг вынимаемых из ножен клинков. Половина оружия была направлена на обезумевшую марионетку, вторая половина — на самого Юй Уцюэ.

И тут Сюэвэй заговорила.

— Это не я... клянусь, не я... Я не знаю тайных искусств душ...

—... Я никак не связана с Цянгучэном.

Деревянные пальцы марионетки сжались на горле девушки, приподнимая ее над землей. Сюэвэй хрипела сквозь слезы, ее сознание явно блуждало в бреду, а полуприкрытые веки дрожали:

— Я ничего ему не рассказывала о тебе... Брат Уцюэ, умоляю, не убивай... Я не предавала тебя.

Марионетка сжала пальцы сильнее. Лицо Сюэвэй налилось багровым цветом:

— Про твое владение техниками душ... никто от меня не слышал... Правда... и про тайну твоего рождения я молчала... За что же ты... хочешь меня убить?..

Тщетно пытаясь разжать мертвую хватку на своей шее, она протянула слабую руку в сторону Юй Уцюэ:

— Брат Уцюэ... пощади...

Хруст!

В то же мгновение тончайшие духовные нити Хэ Бугуя вонзились в спину марионетки, а направленный духовной силой летящий меч Бай Шуцзин молниеносно отсек деревянную руку твари. Бессмертная Тайцин подхватила падающую девушку. Но кукла, ведомая лишь безумным ядром души, продолжала неистово биться в путах Хэ Бугуя, извиваясь словно бешеный зверь.

Объятый ужасом Юй Уцюэ пошел на крайние меры. Сложив запретную печать, он высвободил клубящуюся волну темной энергии преисподней. Мертвенный туман проник в его виски, окрасив белки и зрачки глаз в угольную черноту. Эта зловеющая сила мертвой хваткой опутала буйствующую марионетку и принялась силой выдирать запертую в ядре душу.

Деревянный корпус куклы со страшным треском развалился на куски, засыпав землю обломками. Вырвавшаяся наружу душа уже успела превратиться в искаженного демонической злобой мстительного духа. Бай Инчи резким взмахом мухоловки-фучэня умирил разбушевавшегося призрака и запечатал его в духовный мешочек.

Цзи Мэй прижала к себе бездыханное тело Сюэвэй. Коснувшись ее шеи, она зашлась в истошном крике:

— Сюэвэй мертва! Моя девочка мертва!!!

Эта внезапная развязка заставила всех присутствующих оцепенеть. Никто не знал, как реагировать на произошедшее.

Слова погибшей девы эхом отдавались в ушах свидетелей бойни. Обвинения прямо указывали на Юй Уцюэ, да и применение им запретной магии душ видели все. Какими бы надуманными ни казались крики Цзинь Тяньлу, враждовавшего со школой Тяньцзи, предсмертный лепет Сюэвэй перевешивал любые сомнения. Все знали об их нежной дружбе, и то, что она перед лицом смерти обвинила своего названного брата, не оставляло Юй Уцюэ путей к отступлению.

На глазах у старейшин юноша применил жуткую магию душ, а его кукла хладнокровно убрала свидетелей, успевших упомянуть Город Бессмертия. В умах людей крепла одна и та же страшная догадка: перед ними стоял выживший наследник уничтоженного шестнадцать лет назад ордена. И теперь было неважно, виновен ли он в сегодняшней резне. Одного лишь подозрения, что этот марионеточник — реинкарнация великого мастера Цзи Сюаня, хватало, чтобы вынести ему смертный приговор.

Со свистом взвились в воздух духовные клинки, активировались боевые массивы. Рыдающая Цзи Мэй требовала крови за кровь, ее крики тут же подхватили сторонники из других орденов. Разъяренная толпа двинулась на раненого юношу.

Хэ Бугуй спокойно убрал духовные нити, сделал шаг вперед и заслонил собой Юй Уцюэ, заложив руки за спину с истинно бессмертным величием. Посыл был ясен без слов: пока здесь Тайвэй, никто не посмеет и пальцем тронуть его ученика.

Поняв его безмолвный жест, Бай Шуцзин встала плечом к плечу со старейшиной, обнажив меч. Право говорить взял на себя Бай Инчи.

— В этом деле слишком много белых пятен, — веско произнес он. — Глава алтаря Цзи, позвольте сперва истинному человеку Юнлэ осмотреть тело вашей ученицы. С остальным разберемся позже.

— Вы загораживаете его! Неужели великие праведники решили покрывать этого детоубийцу?! — взвыла Цзи Мэй, теснее прижимая к себе Сюэвэй. — Назад! Ни шагу ближе! Людям из Дворца Небесного Предела не прикаснуться к ней! Если он не выдаст нам убийцу, Долина Целителей сотрет себя в порошок, но заставит Юй Уцюэ заплатить за содеянное собственной кровью!

Юй Уцюэ отказывался верить в смерть Сюэвэй.

«Как она могла умереть? Ведь учителя среагировали мгновенно, а я сам подавил волю марионетки... Этого просто не может быть!»

Он в растерянности качал головой, бездумно шепча:

— Я ведь остановил его... Я перехватил контроль...

Внезапный бунт Сяо У не поддавался логике, а предсмертные слова названной сестры и вовсе казались безумным наветом. Мысли Юй Уцюэ спутались в глухой клубок, голова раскалывалась. Он мог лишь растерянно повторять, точно в бреду:

— Я не убивал ее... Зачем мне это делать?! Это не я! Не я!..

Хуа Цзиньюнь сделал шаг вперед, повысив голос:

— Марионетка Юй Уцюэ лишила жизни двух человек прямо у нас на глазах! Разве закон не велит немедленно заковать его в кандалы и бросить в Небесную тюрьму, пока идет расследование? Бессмертный Тайвэй, бессмертная Тайцин, при всем уважении — ваше упорство выглядит как соучастие. Вы готовы попать все устои праведного пути ради спасения

этого убийцы?

Бай Шуцзин даже не шелохнулась, ледяным тоном отрезав:

— Казематы Небесной тюрьмы добьют раненого за несколько часов. Если мы бросим его туда сейчас, то к моменту, когда его невиновность будет доказана, судить придется уже мертвеца.

Хуа Цзиньюнь злорадно усмехнулся:

— Сказки для наивных. Вы просто не хотите отдавать своего ублюдка. С чего бы великим мастерам так пекся о безродном ученике? Не скрываете ли вы от нас что-то куда более мрачное? Например... тайну выжившего выродка из Города Бессмертия?

В голове Юй Уцюэ невыносимо звенело, голоса спорящих сливались в монотонный гул. Он не желал, чтобы его покровители лишились чести и доброго имени из-за лавины грязных обвинений. Превозмогая жуткую боль в обожженной спине, он заставил себя приподняться:

— Мою невиновность... непременно докажут глава дворца и старейшины. А до тех пор я согласен... добровольно отправиться в Небесную тюрьму.

Он низко склонился перед рыдающей Цзи Мэй:

— Глава алтаря Цзи, умоляю, не вините Дворец Небесного Предела. Позвольте целителю осмотреть Сюэвэй... Быть может... ее еще можно вернуть к жизни.

Юэ Тинфан схватил его за запястье, в панике зашептал:

— Уцюэ, ты с ума сошел?! пытки в тех казематах страшнее, чем у палачей школы Улян! Оттуда живыми выходят только чудовища. Твое тело просто превратится в кровавое месиво!

— А у нас есть выбор? — Юй Уцюэ горько усмехнулся. — Эти крики ни к чему не приведут, мы лишь теряем драгоценное время. Если я сдамся, учителям будет проще вести расследование.

Но Хэ Бугуй по-прежнему стоял нерушимой скалой, заслоняя его от разъяренной толпы. Юй Уцюэ слабо потянул старейшину за подол белого одеяния. Прежде чем он успел вымолвить хоть слово, Хэ Бугуй опустил ладонь на его плечо и ободряюще сжал его.

— Лежи смирно, — негромко, но твердо произнес старейшина. — Никуда ты не пойдешь.

«Учитель...»

У Юй Уцюэ защемило в груди от невыносимой обиды. Сестра погибла, протектор мертв, все улики против него, а покровителям приходится сносить оскорбления из-за его ничтожной жизни. Молчаливая вера Хэ Бугуя, готового противостоять всему миру ради него, отзывалась в душе щемящей нежностью. Все теснившиеся в груди оправдания и страхи растаяли, уступив место детской, беззащитной надежде.

Юй Уцюэ опустил голову и тихо прошептал:

— Я не хочу обременять вас.

— Никто во всем мире не смеет диктовать мне условия.

Слова Хэ Бугуя прозвучали подобно удару колокола — спокойно и непреклонно.

— Раз я верю тебе, значит, и у тебя нет причин вешать нос.

<http://bllate.org/book/20165/2185450>